

УДК 811.161.1; 002

*М.С. Ястребов-Пестрицкий***РОССИЯ 1915–1916 гг.: ЛЕКСИКА ВОЕННЫХ ЛЕТ.
СЕМАНТИЧЕСКАЯ СФЕРА «ПРЕДМЕТЫ БЫТА»**

Проводя исследование в фонде дореволюционной периодической печати Госархива РФ, мы обратили внимание на прессу двух предреволюционных лет – 1915 и 1916. Эти годы Российская Империя провела в состоянии войны; революционные потрясения ее ещё не коснулись. Как изматывающая страна война отразилась на языке? Какие особенности внесла в его лексический состав? Обнаруженные нами газетные объявления о пожертвованиях в пользу русских военнопленных делают, хотя бы отчасти, доступными некоторые знания о наиболее употребляемых существительных и прилагательных, с помощью которых выражались самые насущные потребности, самые первостепенные чаяния русского народа в это непростое для него время, когда и язык, в качестве рефлексии на происходящие в стране события, испытал определенный социальный шок, вследствие чего, по меньшей мере, изменилась частотность употребления имевшихся лексем, получив известный «крен» в сторону лексических единиц, означающих самые насущные предметы, необходимые для элементарного выживания. Это предметы одежды и обуви, названия самых незатейливых продуктов питания, медикаментов, курительных принадлежностей, фабричного, промышленного и сельскохозяйственного сырья (ткани и шкуры, изделия из них). Однако не остаются в забвении и предметы культурного назначения, прежде всего книги, брошюры, журналы, подшивки газет, а также бумага, конверты и письменные принадлежности.

Ключевые слова: семантическая сфера, газетный текст, стиль, архаизм, падежная форма, чередование написаний.

В качестве рабочего материала мы были отобрали 4 номера петроградской газеты «Речь» за 1915 год и столько же – за 1916. Все сокращения, принятые в газетных объявлениях в настоящей статье, остаются неизменны, равно как и некоторые особенности орфографии, пунктуации и синтаксиса. Например, перед каждым именем дарителя (в родительном падеже) отсутствует предлог *от* (очевидно, в целях экономии газетных площадей). Единственное, что мы позволили себе, – снять нумерацию даров, поскольку весь газетный список (каждый из восьми, приводимых здесь) огромен и несоизмерим с объёмом научной статьи, а в сокращённом варианте такая нумерация утрачивает свою актуальность. Курсив в текстах наш.

Итак, первое из рассмотренных объявлений сообщает: «Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна *Всемилостивейше* повелеть соизволила выразить искреннюю Ея Величества благодарность нижепоименованным лицам и учреждениям, от коих поступили пожертвования в состоящий под покровительством Ея Величества Комитет по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах, в период времени от 1-го октября по 1-е ноября сего года, в следующем количестве: деньгами: <...>, вещами: от новоградволинского городского головы 71 *книжка* и 173 *журнала*; мартыновского волостного старшины 6 книг. 31 ½ арш. холста, 1 шаровары, 7 пар кальсон, 5 полотенец, 3 рубашки, ¾ ф. табаку, 1 кисет; лубенского уездного предводителя дворянства 45 *журналов*; верх-яйвенского волостного правления Пермской губ. 22 арш. холста, 5 пар *варежек*; священника Казаченко 45 ½ арш. холста, 2 пары *варегь*, 1 моток ниток, 68 арш. ситцу, 1 рубашка, 1 полотенце; *неизвестного* 5 рубашек, 5 пар кальсон, 5 пар тёплых портянок, 6 наушников, 5 пар тёплых перчаток; М.А. Варгуниной 20 *книжек*, 12 ф. сухарей; А.В. Бородиной 5 ф. малороссийского сала; земского начальника 5-го участка Астраханского уезда 5 9/16 фн. табаку, *курительная бумага*, 6 арш. холста, 7 1/2 фн. сахару, ¾ фн. чаю, 18 пар носков, 4 пары валенок, 2 полотенца, 2 рубашки, 15 платков, 4 ¼ арш. ситцу; священника П. Покровского 413 брошюр религиозно-нравственного содержания; председателя Златоустовского уездного съезда <...> 1 башлык, 45 книг, 7 карандашей, 24 листа писчей, 69 листов почтовой бумаги, 70 конвертов; <...> 2 листа папиросной бумаги, 388 лис. курительной бумаги, 1 п. 7 ф. простого мыла, 4 куски душистого мыла; <...>, 2 *евангелии*, <...> 2 *печатки мыла*; <...> 10 арш. коленкору; М.А. Волковой русско-немецкий словарь; <...> 2 ¼ ф. *кудели*; <...> 4 пары *кожаных туфель*, кусок кожи, 12 *носков*, 8 пар *варегь*, 2 шт. карандашей, 3 *книжки* сказок, 4 ¾ арш. бумазеи, 12 арш. парусины; <...> 12 шт. разных *книг*; <...> 3 ½ арш. серого сукна; <...> 1 *варегь*; 4 ½ ф. шерсти; <...> несколько картин из священной истории; чрезвычайной следственной комиссии <...> 25 пар кальсон, 12 ½ ф. мыла» [4. С. 1].

Наречие *Всемилостивейше*, относящееся к действию *Государыни Императрицы*, – так же, как и её титул, напечатано с прописной буквы. При упоминании печатной продукции, везде в списке фи-

гурирует *книжка*, и лишь в одном месте *книга*, хотя не указано, о каких именно книгах идёт речь (кроме одного случая: 3 *книжки* сказок). Повсеместно применяется форма дательного в значении родительного партитивного: *табаку*, *ситцу* и др. Для газетного стиля такая форма – реликт. В синхронии данное явление заняло прочное место в разговорном стиле. Предлог *от* (от кого поступление) – проставлен единожды в начале подборки, далее – лишь подразумевается (как и двоеточие после каждого имени жертвователя). Названия учреждений, начинающиеся с относительных прилагательных топонимического происхождения, – везде даны со строчной буквы. Только в одном месте обозначены 5 пар *варежек*, в остальных упоминаниях – *варегъ*. Следует отметить словосочетание *курительная бумага*: не путать с *папиросной бумагой*! В папиросную бумагу заворачивают табак (махорку), курительную же бумагу курят саму, без «начинки», т.к. она, в условиях дефицита табака, пропитывается на фабрике никотином. 2 *евангелии* – склонение по женскому роду, а не по привычному сегодня среднему. Несколько затемнена семантика выражения 2 *печатки мыла* – это вид упаковки? Мера объёма? Установленный размер куска? Данная деталь остаётся не вполне выясненной. *Кудель* – архаичное существительное. В словосочетании 4 *пары кожаных туфель* – имеет место излишне проставленный двойной согласный в относительном прилагательном. По отношению к сочетанию 12 *носков* – можно лишь отметить, что уместнее было бы говорить о *парах носков*.

Второе из рассматриваемых нами объявлений – относится примерно к тому же периоду того же 1915 года: «Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна *Всемилоостивейше* повелеть соизволила выразить искреннюю Ея Величества благодарность нижепоименованным лицам и учреждениям, от коих поступили пожертвования в состоящий под покровительством Ея Величества Комитет по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах, в период времени от 1-го сентября по 1-е октября сего года, в следующем количестве: деньгами: <...>, вещами: от М. Лусман 1 тёплый жилет, 6 плит. шоколаду, 1 пара портянок, 1 пара носков, 1 нагрудник, 1 пара перчаток, 1 пара *туфлей*; <...>, 2 ф. сушеных *яблоковъ*; Синебрюховых приложения «Нивы» за 1899 и 1900 *года*, журналы «Родина»; <...>, 3 стопы курительной бумаги; <...>, 13 фуражек, 1 чайник, 18 кусков мыла, 3 пары *штиблет*, 3 пары сапог, 116 рубашек, 1 шарф, 1 *наволочка*; М.К. Глазиус *соликамской городской управы золотой жетон*; <...> 1 ф. пряников, 1 *фун.* леденцов; краснослободского городского головы 21 *конец* холста, 6 пар *онучь* суконных, 1 пара *онучь* холщевых; комитета по снабжению *раненых произведениями печати* 410 книг; *Неизвестнаго* 75 книг; Чернетъ 2 ф. шоколаду, 10 книжек; священника В. Углецаго 12 книг; Эйлер 23 *книжки*; хозяйственного управления при Святейшем Синоде 15.000 евангелий, 2.500 листков; Святейшаго Синода 1 священное облачение, 1 крест наперстный, 1 скуфья, 1 кадило, ½ ф. ладана, 20 ф. свечей, 1 евангелие, 21 богослужебная книга» [3. С. 1].

Обнаруживается чередование написаний: *туфель* (в № 310 газеты «Речь», предыдущее объявление) – *туфлей* (в рассматриваемом № 285). 2 ф. сушеных *яблоковъ* – некорректное, с точки зрения синхронии, склонение плюральной формы. О выражении *за 1899 и 1900 года* – следует сказать, что данная форма множественного числа, этимологически восходящая к двойственному, позднее закрепились в разговорном стиле и – отчасти – в поэтическом. Существительное *штиблеты* в XX веке начало свой переход в архаику, равно как и *онучи*. Обнаруживается чередование написаний: *наволочка* – *наволока* (см. наши предыдущие выписки из дореволюционных газет [10. С. 484-488]). В современном варианте *наволочка* – имеется уже меньше когнитивной и перцептивной связи с глаголом *наволакивать*. Не вполне понятно назначение пожертвования М.К. Глазиус (дама, судя по несклоняемости фамилии): *соликамской городской управы золотой жетон*. Что за жетон? Внутренняя валюта Соликамска? В данных выдержках мы в точности приводим все сокращения оригинала. Интересно, что мера веса *фунт* сокращается тройко: *ф.*, *фн.*, *фун.* Иногда, впрочем, и не сокращается. 21 *конец* холста – следует полагать, – 21 отрез данной ткани. Крайне неудачно, на наш взгляд, была построена фраза *раненых произведениями печати* (раненных – чем?). Следовало, конечно, применить оправданную в данном случае инверсию: *комитет по снабжению произведениями печати раненых*. Среди жертвователей вновь находим *Неизвестнаго*, который, в отличие от предыдущего случая, обозначен словом, написанным с прописной буквы. Снова наблюдаем чередование *книг* и *книжек*, при том, что практически никаких данных об этом виде пожертвования, к сожалению исследователя, не сообщается.

Следующий список пожертвований – также относится к осени 1915 года: «Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна *Всемилоостивейше* повелеть соизволила выразить искреннюю Ея Величества благодарность нижепоименованным лицам и учреждениям, от коих поступили пожертвования в состоящий под покровительством Ея Величества Комитет по

оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах, в период времени от 1-го августа по 1-е сентября сего года, в следующем количестве: деньгами: <...>, вещами: от причта станицы Барсуковской <...>, 1 поддѣвка; <...>, 1 моток ниток; <...>, 2 катушки ниток; священника Солнцева <...>, 8 *тряпок*; конторы журнала «Жизнь для всех» 300 экземпляров сочинений Толстого «Война и мир» пятитомных, 1.500 книг очерки Слобожанина из истории и опыта, 50 книг земских учреждений, 100 экземпляров альбома карточек русских художников; неизвестного 58 экземпляров разных книжек и журналов; кологривскаго уезднаго исправника 37 разных книжек, несколько журналов; <...>, 4 пачки пуговиц и коробка мыла; херсонскаго губернатора 500 сорочек, 500 кальсон, 500 гребней, 500 катушек ниток, 500 иголок, 1 п. 23 фун. чаю, 6 п. 10 фун. сахару, 500 коробков спичек, 6 п. 10 фун. мыла, 500 *книжек* папиросной бумаги» [2. С. 1].

Стилистически странными среди пожертвований выглядят 8 *тряпок*. Обращаем внимание на то, что *книжками* называли и скреплѣнные листы *папиросной бумаги*, так же, как и *курительной бумаги*.

В газетном номере, относящемся к весне того же 1915 года, список жертвователей настолько огромен, что не хватило газетных площадей на перечисление даров: «Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна *Всемилостивейше* повелеть соизволила выразить искреннюю Ея Величества благодарность нижепоименованным лицам и учреждениям, от коих поступили пожертвования в состоящий под покровительством Ея Величества Комитет по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах, в период времени от 1-го марта по 1-е апреля сего года, в следующем количестве: деньгами: <...>, вещами: от <...>» [1. С. 1-2].

Здесь целую полосу, с переходом на вторую страницу газеты, занимает только список жертвователей, без указания самих вещей.

Не меньше интересных с лингвистической точки зрения нюансов находим и в августовском объявлении за 1916 год: «Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна *Всемилостивейше* повелеть соизволила выразить искреннюю Ея Величества благодарность нижепоименованным лицам и учреждениям, от коих поступили пожертвования в состоящий под покровительством Ея Величества Комитет по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах, в течение *июня месяца* сего года, в следующем количестве: деньгами: <...>, вещами: от <...> 1 *игра* карт; <...> 56 пар *варега*, 2 пары кожан. *туфель*, 3 *дамских* юбки, 3 детских платья, 1 *фн. конфект*, 2 пузырька *лекарства*; В. Орловской – жительницы Петрограда 25 экземпляров самоучителя русской стенографии; *Заведывающаго* передвижением войск Омскаго *района* из гор. Омска 100 шт. *кисетов* с разн. предмет., 172 конверта, с бумагой и карандаш. и 293 листа *курительной бумаги*; <...> 46 шт. *кисетов* с махоркой, 44 шт. *кисетов* пустых, 1 *кисет* с нитками и 12 мотков ниток» [8. С. 1].

Под существительным *игра*, в данном контексте, подразумевается, очевидно, *колода*. Вследствие опечатки, видим, вместо плюральной формы родительного падежа *варегь*, – сингулятивную форму именительного падежа: *варега*. О чередовании *туфлей* – *туфель* уже писалось выше. Существительное *юбка*, если только речь не идёт о населении Шотландии, не требует определения *дамская*, т.к. само существительное содержит в себе сему «предмет дамской одежды». Представляется странным, как такие предметы, как 3 *дамских юбки*, 3 *детских платья* попадали в список пожертвований в пользу русских военнопленных, возможно, в качестве объектов меновой торговли в тяжѣлых условиях чужбины? Обращаем внимание на архаичное написание: 1 *фн. конфект*. А 2 пузырька *лекарства*, имевшиеся среди пожертвований, – остаѣтся надеяться – были с наклейками, содержащими маркировку. Обращаем внимание на свойственную эпохе орфографию субстантивированного действительного причастия *заведывающій* и существительного *район*.

Следующее из рассматриваемых нами объявлений гласит: «Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна изъявляет искреннейшую Свою благодарность всем лицам и учреждениям, сделавшим пожертвования в Зимнем Дворце в пользу воинов действующих армий. За *апрель месяц* 1916 года поступили нижеследующие пожертвования деньгами <...>» [7. С. 1]. Далее имена людей и учреждений составляют обширную газетную площадь: ½ полосы. Выражения типа *апрель месяц*, принятые в рассматриваемую эпоху, позднее вышли из употребления как тавтологичные. Отметим, что в рассмотренных нами объявлениях за 1915 год подобная речевая формула не встрети-лась нам ни разу.

Буквально каждое объявление, несмотря на их общую идентичность, – несѣт исследовательско-лингвисту хоть что-то новое. Вот ещё один список даров за 1916 год: «Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна *Всемилостивейше* повелеть соизволила выразить

искреннюю Ея Величества благодарность нижепоименованным лицам и учреждениям, от коих поступили пожертвования в состоящий под покровительством Ея Величества Комитет по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах, в течение *февраля месяца* сего года, в следующем количестве: деньгами: <...>, вещами: от <...> 1 п. *кожаных галош*, 1 старое пальто, 1 п. *носокъ*; <...> 11 п. *носковъ*, 26 откр. писем; наместника Киево-Печерской лавры О. Архимандрита Амвросия 15.000 серебряных крестиков; наместника Троице-Сергиевской лавры Архимандрита Кронида 15.000 серебряных крестиков. 15.000 образков» [5. С. 1].

Интересная деталь: если *галоши* вообще – денотат, выходящий из употребления, то о *кожаных галошах* мы впервые узнаём из данной газеты. 1 п. *носокъ*; <...> 11 п. *носковъ* – в одном тексте присутствуют две различные плюральные формы родительного падежа.

Наконец, рассмотрим ещё одно газетное объявление с благодарностью Государыни Императрицы. Его мы включили в настоящую работу исключительно из-за фамилии, известной каждому русскому филологу: «Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна *Всемилостивейше* повелеть соизволила выразить искреннюю Ея Величества благодарность нижепоименованным лицам и учреждениям, от коих поступили пожертвования в состоящий под покровительством Ея Величества Комитет по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах, в течение *марта месяца* 1916 года, в следующем количестве: деньгами: <...>. За тот же срок поступили нижеследующие пожертвования вещами: от <...>. От учебных заведений: от <...>, от школы **г-жи Набоковой, ст. Сиверская, село Рождествено**» [6. С. 2].

Весьма интересный с точки зрения литературоведения факт: учитывая не только фамилию жертвовательницы, но и географию (загородная усадьба Набоковых), можно смело утверждать, что речь идёт о матери В.В. Набокова (самому будущему писателю шёл 17-й год, на тот момент – лишь считанные годы оставалось ему жить в России...). В данном номере газеты список жертвователей настолько велик, что приведены лишь имена людей и учреждений, без перечисления самих передаваемых вещей.

В 1915 и 1916 гг. Россия, как отмечалось в начале настоящей работы, всё ещё оставалась Российской Империей. Революционные преобразования ещё не затронули ни страну, ни её язык. Ещё никому из носителей русского языка не были знакомы те аббревиатуры и «революционные сокращения» (нередко становившиеся антропонимами!), которые пришли в язык позднее, в 1917 году, и те преобразования в плане орфографии, которые были закреплены законодательно в 1918-м. Именно этим, с исследовательской точки зрения, интересны 1915 и 1916 гг. А так как Россия в указанные два года была полностью погружена в войну, то не будет ошибочным предположение, что и язык, в качестве рефлексии на происходящие в стране события, испытал некоторый социальный шок, вследствие чего, несомненно, начал изменяться его лексический состав, или, как *minimum*, изменилась частотность употребления имевшихся лексем, получив известный «крен» в сторону лексических единиц, означающих самые насущные предметы, необходимые солдатам на фронте для элементарного выживания. Это предметы одежды и обуви, названия самых незатейливых продуктов питания, медикаментов, курительных принадлежностей, фабричного, промышленного и сельскохозяйственного сырья (ткани и шкуры, изделия из них). Однако не остаются без внимания и предметы культурного назначения. Это прежде всего книги, брошюры, журналы, подшивки газет (и даже такой продукт полиграфии, как игральные карты!), а также бумага, конверты и письменные принадлежности, столь необходимые солдатам для сохранения связи с близкими.

Отметим, что например, существительное *кисет* в условиях войны несколько расширяет свою семантику «Маленький мешочек, затягиваемый шнурком. *К. для табаку*» [9. С. 240]. Фрагменты объявлений: «100 шт. кисетов с разн. предмет.», «46 шт. кисетов с махоркой, 44 шт. кисетов пустых, 1 кисет с нитками и 12 мотков ниток», – сообщают читателю, что *кисет* в окопных условиях уже рассматривается и как удобная тара для швейных принадлежностей, и для «разных предметов», и – просто – как приятный подарок из родного дома, предмет рукоделия, выполненный с любовью (когда речь идёт о пустых кисетах).

Большое место в рассмотренных объявлениях занимают лексемы семантической сферы «предметы религиозного культа». Уже после 1917 года они отойдут на периферию социальной жизни.

Лексические единицы сферы «текстиль, ткани и изделия из них», занимают по частотности упоминаний, пожалуй, первое место: «31 ½ арш. холста, 1 шаровары, 7 пар кальсон, 5 полотенец, 3 рубашки, 5 пар *варежек (варег)*, 68 арш. ситцу, 5 пар тёплых портянок, 6 наушников, 5 пар тёплых перчаток,

15 платков, 1 башлык, 10 арш. коленкору, 2 $\frac{1}{4}$ ф. *кудели*; 4 $\frac{3}{4}$ арш. бумазеи, 12 арш. парусины, 3 $\frac{1}{2}$ арш. серого сукна, 4 $\frac{1}{2}$ ф. шерсти, 1 тёплый жилет, 1 пара носков, 1 нагрудник, 13 фуражек, 3 пары *штиблет*, 1 шарф, 1 *наволочка*, 21 *конец* холста, 6 пар *онучь* суконных, 1 пара онучь холщевых, 1 скуфья, 1 поддѣвка, 1 моток ниток, 2 катушки ниток, 8 *тряпок*, 4 пачки пуговиц, 500 сорочек, 3 *дамских* юбки, 3 детских платья, 1 старое пальто, 1 п. *носок*». Можно добавить в данный список и уже упомянутые нами кисеты. Как видим, свыше 40 лексем относятся к указанной семантической сфере.

Пожертвования деньгами и вещами делались для «оказания помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах» (7 списков) и «в пользу воинов действующих армий» (1 список из приведённых восьми). Данные списки наглядно демонстрируют не только всенародное единство россиян и их солидарность с армией, но, через лексический состав, номинально высвечивают то, что было нужно воину на фронте и тем более – военнопленному на чужбине. Истощённая Мировой войной страна в те годы, может быть, выживала благодаря солидарности фронта и тыла. Такие малогабаритные предметы солдатской жизни, как *варежки*, *портянки*, *штиблеты*, *поддѣвки*, и даже *кисеты*, *нитки* и *пуговицы* обрели в условиях войны повышенный спрос, а лексемы, их обозначающие, по частотности употребления в 1915–1916 годах вышли «в первые ряды». Восемь исследованных нами газетных списков-объявлений – лишь малая часть той информационной массы, которая могла бы подтвердить справедливость сказанного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ¹

1. Речь (Петроград). 1915 г., № 96 от 9 апр. 6 с.
2. Речь (Петроград). 1915 г., № 264 от 25 сент. 6 с.
3. Речь (Петроград). 1915 г., № 285 от 16 окт. 6 с.
4. Речь (Петроград). 1915 г., № 310 от 10 нояб. 6 с.
5. Речь (Петроград). 1916 г., № 96 от 7 апр. 6 с.
6. Речь (Петроград). 1916 г., № 107 от 20 апр. 8 с.
7. Речь (Петроград). 1916 г., № 142 от 25 мая. 6 с.
8. Речь (Петроград). 1916 г., № 221 от 13 авг. 6 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 52 000 слов. 2-е изд. испр. и доп. под общ. ред. акад. С.П. Обнорского. Отв. ред. И.В. Лехин. Научн. ред. к. ф. н. Р.М. Цейтлин. Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, М., 1952. 848 с.
10. Ястребов-Пестрицкий М.С. Лексемы семантических сфер «одежда, обувь», «предметы быта», «профессиональные инструменты», «материалы» в регионе Новороссии дооктябрьского периода // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2017. Т. 27, вып. 3. С. 484-488.

Поступила в редакцию 29.03.2018

Ястребов-Пестрицкий Михаил Сергеевич, кандидат филологических наук, ведущий специалист
 Научная библиотека Госархива РФ (НБ ГАРФ)
 119435, Россия, г. Москва, ул. Большая Пироговская, 17
 E-mail: mур-63@mail.ru

M.S. Yastrebov-Pestritskiy

RUSSIA OF 1915-1916: VOCABULARY OF THE WAR YEARS. THE SEMANTIC FIELD OF "HOUSEHOLD ITEMS"

Conducting research in the Foundation of the pre-revolutionary periodical press of the State Archives of the Russian Federation, we have paid close attention to press of the two pre-revolutionary years: 1915 and 1916. These two years, the Russian Empire completely held in a state of war; at the same time, it was precisely the Russian Empire, this means that the revolutionary upheaval of 1917 had not yet touched it. How did the war, exhausting the country, affect the language? What features did it contribute to its vocabulary? Those newspaper collections, we have found, which reported about the gifts for the benefit of Russian prisoners of war – make available, at least in part, some knowledge of commonly-used nouns and adjectives that reflected the most urgent needs, the primary aspirations of the Russian people at that difficult time. The time when the language, as a reflection on the events taking place in the country, experienced a certain social shock, due to which, at least, the frequency of the use of existing tokens changed, having received a well-

¹ Указанные в списке газеты из архивохранилища НБ Госархива РФ в настоящее время находятся в процессе обработки и упорядочивания. Карточечные реквизиты на момент написания работы данным единицам хранения не присвоены.

known "roll" towards lexical units meaning the most vital items necessary for elementary survival. These are items of clothing and footwear, the names of the most simple food products, medicines, smoking accessories, factory, industrial and agricultural raw materials (fabrics and skins, products made of them). However, cultural items, primarily books, pamphlets, magazines, filing of newspapers, as well as paper, envelopes and writing materials, do not remain in oblivion either.

Keywords: semantic sphere, newspaper text, style, archaic, possessive form, alternation of spellings.

REFERENCES

1. Rech [The Speech] (Petrograd). 1915, № 96 dated 9 April. 6 p. (In Russian).
2. Rech [The Speech] (Petrograd). 1915, № 264 dated 25 September. 6 p. (In Russian).
3. Rech [The Speech] (Petrograd). 1915, № 285 dated 16 October. 6 p. (In Russian).
4. Rech [The Speech] (Petrograd). 1915, № 310 dated 10 November. 6 p. (In Russian).
5. Rech [The Speech] (Petrograd). 1916, № 96, dated 7 April. 6 p. (In Russian).
6. Rech [The Speech] (Petrograd). 1916, № 107 dated 20 April. 8 p. (In Russian).
7. Rech [The Speech] (Petrograd). 1916, № 142 dated 25 May. 6 p. (In Russ.).
8. Rech [The Speech] (Petrograd). 1916, № 221 dated 13 August. 6 p. (In Russ.).
9. *Ozhegov S.I.* Slovar' russkogo iazyka. 52 000 slov. [The dictionary of Russian language. 52 000 words]. 2-nd edition. Rev. and ext. ed. by Acad. S. P. Obnorsky. Resp. edited by I. V. Lekhin. Scientific. ed. the cand. of phil. sciences R.M. Zeitlin. State edition of foreign and national dictionaries, Moscow: 1952. 848 p. (In Russ.).
10. *Yastrebov-Pestritskiy M.S.* Leksemy semanticheskikh sfer "odezhda,obuv'", "predmety byta", "professional'nyie instrumenty", "materially" v regione Novorossii dooktiabr'skogo perioda [The lexemes of the semantic fields of "clothes, footwear", "household items", "professional tools", "materials" in the region of Novorossia of pre-revolutionary period] // Vestnik Udmurtskogo Univarsiteta [The Bulletin of Udmurt state University. History and Philology]. 2017, volume 27, Issue 3, pp. 484-488. (In Russian).

Received 29.03.2018

Yastrebov-Pestritskiy M.S., Candidate of Philology, Leading specialist
Scientific Library of the State archive of the Russian Federation (SARF SL)
Bolshaya Pirogovskaya st., 17, Moscow, Russia, 119435
E-mail: myp-63@mail.ru